

АНОМАЛИЯ

Публикация в рамках совместного проекта журнала с Ассоциацией союзов писателей и издателей России (АСПИР).

МАНСИМ СТРЕЛЬЦОВ
Родился в 1997 году в Тюменской области, сейчас живет в Краснодаре. Автор сборника рассказов «Человек, который открывал онна» (2021), романа «Пятая

нолонна» (2024). Участник курса «Стилистика и редакция» «Писательской академии Энсмо», литературных мастерских АСПИР, Форума молодых писателей в Липках.

Главред нашей газеты, Лисин, лично поручил мне съездить в командировку и написать репортаж. Для ознакомления он прислал документ, сотканный из десятков сообщений по электронной почте, и принес стопку бумажных писем – странно видеть, что их еще присылают. В каждом говорилось об одном и том же: об «удивительной природной аномалии» в поселке Верде.

Это крохотное село, о котором в интернете информации с ноготок: пятьдесят лет назад тут построили крупнейший в области элеватор, двадцать лет спустя открыли первую школу, в начале нулевых отреставрировали старинное здание администрации. И только на пятой странице поисковика, на сайте откровенно желтого издания, между заметками о всемирном заговоре рептилий и тайном правительстве инопланетян затесалась статья о волшебном лесе, который светится по ночам.

Письма я дочитывал уже по дороге в Верде. Ни вокзала, ни станции тут не было. Автобус остановился на обочине, высадил часть пассажиров и поехал дальше. С онлайн-картами в телефоне я быстро нашел местную администрацию и напросился на прием к главе поселка по фамилии Шипачев.

Он с минуту нервно смеялся, когда узнал, зачем меня отправили в Верде из областной газе-

ты. С его слов, рассказы о сияющем лесе – это сплошь сказки, сродни избе на курьих ножках и Бабе-яге верхом на метле. Я ему легко поверил. Еще в автобусе придумал дюжину логичных обоснований этой аномалии: от роя сверчков до затерявшегося в кроне фонарного столба.

По плану я должен был в первую же ночь наблюдать за лесом, выяснить причину аномалии, взять пару интервью, написать статью и поехать обратно. Но Шипачев меня мигом заговорил – точно не хотел, чтобы я ехал в лес, – и повез к себе в гости. У него дома мы сперва приняли пару рюмок на грудь после ужина, потом пошли в баню, а после нее счет пошел уже на бутылки.

Утром я проснулся в гостевом домике и ничего не помнил о прошлом вечере. Понятно, что до леса мы в ту ночь не дошли. Я зашел в хозяйский дом, но Шипачев успел уехать: оставались только его жена и трое сыновей. Поблагодарил их за гостеприимство, умял упаковку жвачки, чтобы перебить перегар, и решил прогуляться по поселку, поговорить с местными жителями. Радуюсь, что их письма наконец всколыхнули журналистов, все как один рассказывали о чудесном лесе в полутора километрах от деревни сразу за элеватором ровно теми же словами, какие были в письмах: зеленое свечение, проявляется по ночам, особенно сильно после дождя. Я задавал уточняющие во-

просы, но без особого интереса. Как долго длится? Два-три часа после полуночи. Светится все дерево или только листья? В основном листья, но ствол и ветви тоже подсвечиваются. Бывает ли свечение осенью и зимой, когда листья опадают? Слабое: светится только ствол у основания.

Один из жителей рассказал о местной активистке – Анжеле, учительнице биологии. Она ратовала за огласку аномалии и, со слов поселенцев, больше других интересовалась лесом. До ночи было еще далеко, поэтому я решил зайти в школу и побеседовать с ней.

Наше знакомство проходило в пустом классе биологии, уроки в тот час уже закончились. Невысокая худая женщина, вылитая Дюймовочка, все еще сияющая молодостью, хотя и с первыми морщинами в уголках глаз, в отличие от прохожих на улице, говоривших сбивчиво и нескладно, она сразу разложила все по полочкам. Анжела объяснила, что раньше там была болотистая земля. Высадили лес, чтобы осушить местность, иначе мог повредиться фундамент элеватора. Но грунтовые воды оказались с какими-то редкими примесями, отчего лес начал светиться по ночам: чем старше становился, тем глубже корни уходили в землю и свечение становилось ярче.

Меня сразу увлек ее рассказ: логичный, разумный, без лишних эмоций. Даже не заметил, как за окном стемнело. Анжела предложила пройти к лесу и посмотреть на аномалию вживую. Я недолго думая согласился.

Сразу было видно, опыт поздних вылазок у нее богатый. По пути от школы до леса она заскочила домой: переделалась, прихватила с собой большой, отнюдь не карманный, фонарь и два бутерброда, одним из которых поделилась со мной. На элеваторе Анжела по-свойски поздоровалась с вахтером, он до полуночи приютил нас в своей каморке и угостил чаем. В уютной комнатухе мы отвлеклись от темы леса. Я рассказал о своем скромном жизненном опыте: школа, институт, неудачный заход на телевидение, оседание во второсортной газете. Ее повесть была немногим лучше: выросла в Верде, окончила педагогический колледж в областном центре, а после вернулась работать в родное село.

За разговорами и чаем время незаметно дошло до полуночи, и мы с Анжелой направились в лес. Я ждал чуда, но ничего удивительного не произошло.

– Рано. Надо еще подождать, – пояснила Анжела.

Мы прошли по тропинке в чащу и сели на самодельную скамью около опушки, прикрытой густой

кроной. Я чуть сгорбился от усталости, уперев локти в колени. Глаза стали постепенно привыкать к темноте. Можно было различить силуэт ног Анжелы. Я поднял глаза от ног и увидел ее руку, лежавшую на скамье. Слишком уж хорошо глаза привыкли к темноте, подумалось тогда. Отчетливо видел руку Анжелы, деревянную скамейку – и все в слегка зеленоватом свете.

– Смотрите, – прошептала она.

Прежде чем посмотреть на то чудо, о котором писали жители Верде, прежде чем увидеть купол сияющей кроны, прежде чем сделать несколько фото на камеру телефона, я посмотрел на лицо Анжелы. Никогда не видел такого безмятежного счастливого блаженства. Лес был прекрасен. Тот факт, что рассказы бабушек с авоськами, коих я расспрашивал днем, оказались правдой, обескураживал и сшибал с ног. Но из-за этой одинокой слезы, скатившейся по улыбающемуся лицу Анжелы, становилось ясно: дело тут не только в природной аномалии. Лес Верде – это нечто большее.

Я чувствовал себя ребенком, который только что спустился с карусели. Все тело дрожало, но хотелось непрерывно смеяться. Смеяться до слез. Все закружилось. Внутри была такая легкость, что мне всерьез казалось: я могу оттолкнуться от земли и вспорхнуть к этой зеленой светящейся кроне, обнять ее, утонуть в ней, раствориться в этих деревьях. Все остальное в жизни вдруг стало неважно: работа, статья для газеты – это такие мелочи. Ничего не существовало, кроме этого леса.

– Прекрасное ощущение, не правда ли? – сказала Анжела.

Обернулся, посмотрел ей в глаза – да, она чувствовала то же самое.

Не помню, сколько мы там пробыли: может, десять минут, а может, три часа. Когда тебя наполняет столько эмоций, столько чистого восторга и счастья, время перестает существовать.

Переночевал я в сторожке на элеваторе – вахтер добродушно позволил вздремнуть на раскладушке. Утром сразу позвонил Лисину, пообещал ему сенсацию и выпросил еще два дня командировки.

После звонка главреду сразу рванул в администрацию, чтобы встретиться с главой.

– Разве еще не написали статью? Я думал, вы уже уехали! – удивился Щипачев.

Рассказал о своем вчерашнем опыте: описал лес во всех красках, показал смазанные фотографии с телефона, нестройно изложил теории

Анжелы. Выразительной была разница в реакции: слезный восторг Анжелы и заскорузлый скепсис Шипачева. Да, он судил о лесе только с моих слов и паршивых снимков, но, казалось, увидь он деревья живую, его реакция вряд ли была бы другой. И, как выяснилось позднее, лес к тому моменту он уже видел, вот только трубить о чуде на всю страну было не в его интересах.

Ответ Шипачева был словно выбит на бланке с гербовой печатью:

– Обсудим с коллегами. Примем меры.

После Шипачева я отправился в школу, чтобы рассказать Анжеле о разговоре с главой. У нее сразу началась паника. Оказалось, Шипачев не равнодушный сухой пень, как мне сначала подумалось, а главный враг защитников леса. Он собирался вырубить деревья, чтобы построить за элеватором завод.

Если бы в классе вдруг начался пожар или во дворе школы взорвалась бомба, меня бы это повергло в меньший ужас, нежели слова Анжелы. Она объяснила, что в почве нашли особые минералы, которые являются причиной аномалии. Шипачев уже выкупил землю и снял запрет с застройки леса, чтобы возвести завод по добыче ископаемых и разбогатеть на их продаже. В ее рассказе оставался только один пробел: нельзя было увязать самого Шипачева с офшором, который владел элеватором и лесом за ним. Но у Анжелы не было сомнений, что связь существует.

Это было похоже на те расследования, которые я делал по молодости и за которые меня выперли с телевидения. Огонь борьбы с произволом власти во мне давно поутих, но ради спасения леса я подкинул дровишек в тлеющий костер.

Победив в местной столовой, сел за черновик статьи, и давно у меня не было такого вдохновения: текст лился рекой, только и успевай подставлять новые страницы. Вечером я снова отправился к лесу. В сторожке вахтера на элеваторе уже сидела Анжела, и к скамейке на опушке мы пошли вместе. По пути я спросил, почему она сразу не рассказала о Шипачеве и той угрозе, которая нависла над деревьями.

– Ты не первый журналист, кто делает репортаж о лесе, – объяснила она. – Все предыдущие сразу уезжали восвояси, когда узнавали, что здесь замешаны большие шишки. Одни пугались, что лишатся работы, другие называли нас недалекой деревенщиной, которые зря мутят воду. Короче, слова о том, что глава хочет вырубить лес, еще никогда не играли нам на руку.

Увидели бы эти журналисты лес, то не говорили бы так. Все мои мысли крутились теперь вокруг него. Я не мог и представить жизни без этого свечения! И Анжела тоже. Мы просидели всю ночь на скамейке в лесу, держась за руки. С девятого класса я так сильно ни в кого не влюблялся.

Утром мы пошли домой к Анжеле, позавтракали блинами с медом и растворимым кофе. Был выходной. Я сказал, что пойду домой к Шипачеву. Поговорю начистоту, попробую если не уговорить сохранить лес, то хотя бы выпытать план его действий. Рассчитывал, что в неформальной обстановке он будет более откровенным, поэтому заранее включил диктофон на телефоне.

Было опасение, что меня и на порог не пустят, но глава оказался радушным хозяином. Либо же просто не хотел ругаться при детях, которые играли во дворе: трое мальчишек пинали друг другу футбольный мяч. Старшему, видно, уже лет семнадцать, совсем взрослый.

Мы обосновались на летней кухне. Как раз около бани, где парились и напивались две ночи тому назад. Тут стояла настоящая печь, как в старых избах. Но на пироги к обеду я не рассчитывал: она была остывшая, точно мертвая. Видимо, огонь внутри не зажигали уже много-много лет.

Я минут десять без остановки рассказывал о лесе: это чудо надо сохранить, сделать главной достопримечательностью региона. Ни в коем случае нельзя его уничтожить – это будет преступление против природы.

– Забудьте и поезжайте домой, – только и сказал Шипачев, глядя в окно на детей.

– Да как вы можете так говорить! Идите в лес и посмотрите сами – после этого ни о чем другом думать не сможете...

– Я видел! – гавкнул он и резко повернулся ко мне.

Я опешил. Не мог и мысли допустить, что можно побывать в лесу и потом хотеть его вырубить.

– Нет ничего прекраснее... Я видел и чувствовал все то же, что и остальные.

– Тогда спасите лес. Это ведь ваша земля, ваш элеватор. Я знаю, что вы им владеете через офшор...

Шипачев перебил меня раскатистым грудным смехом.

– Ты что, бивень, думаешь, это все мое?

От прежнего уважительного тона Шипачева не осталось и следа. Он явно нервничал, колупал ногтем краску на подоконнике.

– Тут такие люди верховодят, ты себе не представляешь. Есть распоряжение: срубить лес и построить завод. Вопрос решен на самом верху. Там никому не нужны рассказы о чуде природы, о красоте, о счастье, которое испытываешь, глядя на это свечение... Вон, предыдущий глава пытался, теперь в психушке сидит. Всех туда отправляют, кто барагозить начинает.

Сперва я чувствовал злость, но потом мне вдруг стало страшно. Когда Шипачев говорил о красоте и счастье, было видно, что лес его притягивает не меньше меня, не меньше Анжелы и других жителей поселка. Он снова повернулся к окну, посмотрел на детей. За пару секунд я смекнул, что к чему.

– Значит, вы свою долю тоже получите?

– Долю? Там о таких деньгах речь идет, что мне дай бог пара крох перепадет. Но и того достаточно.

Сыновья во дворе от чего-то рассмеялись, и Шипачев улыбнулся им через окно.

– Мне своих ребят поднимать надо. Не позволю, чтобы они, как и я, в этой вонючей дыре всю жизнь провели. Готов на все ради их счастья.

Я молчал, не мог придумать, что на это ответить.

– Он снится мне, этот лес, – снова заговорил Шипачев, повернувшись ко мне. – Меня мучает мысль, что его уничтожат. Тяга к нему не ослабеваает. Стоит лишь раз увидеть... Я только молю Бога, что это закончится, когда лес вырубят. Что магия растворится, исчезнет, и я снова буду спать спокойно.

Мы прослушали запись разговора вместе с Анжелой у нее дома. Качество хромало, но смысл был ясен. Я убрал телефон и обругал Шипачева за бессовестную жадность, но где-то глубоко внутри мне было жаль его.

Как бы ни хотелось остаться в поселке подольше, чтобы быть ближе к лесу, надо было возвращаться в город. Анжела проводила меня до автобуса. Мы обменялись телефонами, крепко и долго обнимались напоследок. Мелькнула мысль позвать ее с собой, но не стал предлагать. И зря. Возможно, если бы мы были вместе, то ее удалось бы спасти...

Следующим утром я отправился в редакцию. Показал черновик статьи Лисину, вместе мы прослушали запись с диктофона. Рассказы о сияющих деревьях ему не особо понравились – в эту аномалию он, как мне кажется, так до конца и не поверил, – но связь главы поселка с элеватором

его зацепила. На этом скандале можно неплохо раскрутить газету, посчитал Лисин. Вместе мы подготовили материал для публикации. Вдобавок разослали его по тем изданиям, которые не испугаются рассказать о коррупции.

Пока репортаж был в работе, я каждый день переписывался с Анжелой, узнавал необходимые подробности с места событий. Ей удалось сделать хорошие фотографии леса ночью. Лисин согласился добавить их в публикацию.

Когда материал вышел в печать, а потом сразу же и на сайт, поднялся такой шум, которого мы с Лисиным не ожидали. Этой новости даже уделили полминуты в федеральных новостях – невероятный успех для нашей областной газетенки. Губернатору пришлось выходить к журналистам и обещать, что над Шипачевым проведут расследование.

Более того, в интернете через пару дней начали собираться подписи под петицией о сохранении аномального леса, присвоении ему особого статуса.

Мы с Анжелой созвонились, вместе порадовались этой огласке. Нам казалось, это победа. Можно праздновать. Я уже запланировал отпуск через месяц, чтобы вернуться к ней, вернуться к лесу. Но тут пришла новость, которая мгновенно разрушила наши планы.

Помню, в то утро я никак не мог зажечь огонь на плите, чтобы приготовить завтрак. Ни в одной конфорке газ не горел. Минут двадцать провозился, пытался починить, но потом наплевал и поехал на работу голодный.

Пока сидел в трамвае, достал телефон, чтобы полистать новости, и тут увидел...

Короткий репортаж о пожаре из поселка Верде. Уже с первой фотографии сердце остановилось и провалилось в пятки. Весь лес, от элеватора до рапсового поля, затянут огнем и дымом. Чем дальше листал картинки, тем больше понимал: в таком пожаре не выживет ни одно дерево. Пробежал глазами текст новости: неаккуратное обращение с огнем, случайное возгорание, быстрое распространение пожара. Ни слова правды, как обычно.

На остановке я вышел из трамвая и сразу же позвонил Анжеле. Вывалил на нее все вопросы, которые металась в голове: как это случилось, цела ли она, что говорят в поселке? Она долго молчала и потом, не отвечая ни на один мой вопрос, тихо сказала:

– Ничего не чувствую.

Я встал как вкопанный посреди тротуара. Анжела повторила то же самое еще раз, только чуть громче и отчетливее, потом еще и еще несколько раз.

– Ничего не чувствую. – Было слышно, как дрожит ее голос.

Пытался успокоить ее, разговорить, перевести тему – не помогало. Она только и повторяла:

– Ничего не чувствую. Ничего не чувствую.

Продолжать разговор не было смысла. Я сбросил вызов и помчался в редакцию. Пока поднимался в лифте, увидел себя в зеркале: лицо бледное, будто инфаркт пережил, на висках капельки пота. «Ничего не чувствую, – звучал в голове голос Анжелы. – Ничего не чувствую».

В редакции, к моему удивлению, был настоящий праздник. Никто не работал. Все сидели в комнате для переговоров, ели пиццу, пили шампанское.

– Чего такой кислый? – встретил меня Лисин и протянул бокал с шампанским. – Такие новости! Наша популярность на волне истории с Верде настолько выросла, что мы подписали несколько крупных рекламных контрактов. В этом году получим больше выручки, чем за предыдущие пять лет, вместе взятые!

– С нами теперь во всей области будут считаться! – добавил молодой корреспондент за спиной главреда. – Главу поселения, считай, мы за решетку упрятали. Пусть попробует теперь нам какой-нибудь чинуша отказать в интервью – мигом все грязное белье его подыдем.

– Кстати, да! – подхватил, смеясь, Лисин. – Этого Шипачева все-таки отправят в кутузку. Мне шепнули на ухо, что завтра задержание будет. Поедешь в Верде, сделаешь репортаж. Так чего ж ты без настроения? Выпей!

Лисин все-таки всучил мне бокал шампанского, но я тут же поставил его обратно на стол.

– Лес сгорел. Утром везде об этом писали.

– Ох, а ты чего ждал? – Лисин закатил глаза. – Сколько разговоров было, да все о коррупции. От самого завода никто не отказывался. Когда появились эти петиции по сохранению леса, сразу стало ясно: экскаваторами валить не будут, слишком плохая картинка получится. А вот пожар – другое дело. Тут как будто и нет виноватых. Так получилось. Чего нос повесил? Ты уже большой мальчик, должен понимать, как в этой стране дела делаются.

От Лисина и остальных поскорее отвязался, противно было рядом с ними находиться. Лес сгорел, тот самый лес, а они празднуют...

Весь день провел в оцепенении. Ни с кем не разговаривал больше. Анжеле не звонил. Новостную ленту не листал. День-призрак. Пришел в себя только на следующее утро, когда ехал на автобусе до Верде.

В поселке первым делом побежал домой к Анжеле – никого. Вспомнил, что сейчас идут занятия, помчался в школу. Там на вопрос об учительнице биологии на меня посмотрели с досадой и отвели к директору.

– Ее увезли вчера вечером, – скорбно объяснил он. – Не вышла на работу. Мы к ней наведались, а она уже помешалась к тому моменту. Никого не узнает. Отказывается выходить из дома. Не ест. И все повторяет: «Ничего не чувствую. Ничего не чувствую». Больше ничего не говорит. Вы не волнуйтесь. Анжела в хороших руках. В соседней палате от нашего бывшего главы сидит, я узнавал. Будете в городе, навестите ее, если хотите.

Я сидел, схватившись за голову. Вспоминал наши встречи с Анжелой в лесу, ее звонкий энергичный голос, ее улыбку... Как это все могло в один момент исчезнуть?

– Мы все горюем по лесу, – продолжал директор, видя мое состояние. – Но Анжела... Она чаще других бывала там, и, видимо, аномалия повлияла на нее сильнее всего. Наверное, поэтому потеря леса стала для нее такой трагедией. Когда мы вчера пришли к ней – из нее точно душу вынули. Понимаете?

– Понимаю, – ответил я. – Отлично понимаю.

После школы сразу пошел к администрации. Времени задержания Лисин не подсказал, поэтому надо было сидеть там и караулить.

По пути встретил одну старушонку. Она еще в первый мой приезд со слезами на глазах рассказывала о светящемся лесе. Такая активная была в тот день, говорила без умолку. Теперь же сидела обессиленная на пне у обочины. Перед ней на земле лежала авоська, из которой вывалилось несколько картофелин. Я подошел, сложил картофелины в авоську и протянул ей. Старушка махнула: мол, поставь рядом.

– Спасибо, – слабым голосом сказала она.

– Как вы?

Старушка помолчала немного, тяжело вздохнула и, все так же бесстрастно глядя перед собой, ответила:

– Так пусто на душе. Не плохо, не жалко – пусто.

Парой предложений она выразила все то, что я сам чувствовал. Оставил ее одну и пошел дальше в сторону администрации.

За Щипачевым приехали примерно через час. Тут же появились другие журналисты. Похоже, не у одного Лисина были полезные контакты в полиции.

Когда главу вывели из здания, все начали фотографировать его, задавать вопросы. Я же ничего не делал. Просто стоял в стороне. Только когда Щипачева уже заводили в автозак, проشمыгнул поближе и бросил ему в лицо:

– Ну что, устроил детисек?

Он резко повернулся ко мне. Взгляд у него был такой же, как у старушки на обочине, как у директора в школе, как у меня вчера в лифте.

– Теперь уже все равно, – невнятно пробормотал Щипачев.

В следующую секунду он уже скрылся в кузове с решетками на окнах. Полиция уехала, журналисты разбежались. Я потоптался пару минут перед администрацией, после чего побрел в лес.

У элеватора меня встретил знакомый вахтер, провел в сторожку и угостил горячим чаем. Мы молча посидели, о пожаре я не спрашивал. Кому интересно после смерти близкого человека обсуждать его предсмертные конвульсии? Его молча поминают и не оскорбляют непристойными подробностями кончины. Особенно если человек был хороший и дарил людям радость.

Набравшись сил в сторожке вахтера, я проделал оставшийся путь до леса. Как и стоило ожидать, на его месте осталось пепелище. Пейзаж, достойный Верещагина. Поле обугленных пеньков, торчащих из-под земли, как могильные плиты.

Постарался найти то место, где раньше была скамейка. Сел на один из пеньков. Оставалось только вспоминать те часы у опушки, проведенные вместе с Анжелой под зонтиком сияющей кроны, когда я еще мог по-настоящему чувствовать.

